

Спустя какое-то время Регина заставляет Эмму подняться и разворачивает ее к себе лицом. Налив на ладони еще немного цветочного масла, она принимается массировать Эмме грудь, живот и постепенно спускается все ниже. Завороженная ароматом, расслабленная и умиротворенная, Эмма приходит в себя в последний момент и перехватывает чужую руку, когда та уже касается лобка.

- Там я и сама могу, - хмурится она. В Риме так принято? Чтобы одна женщина мыла другую во всех местах? Разве они не могут делать это сами? На севере матери моют дочерей до пяти лет - впрочем, как и сыновей, - а после, считается, каждый сам в состоянии ухаживать за собой. Конечно, Аурус велел Регине сделать это, но он ведь не уточнял, как далеко надо зайти.

Регина поднимает брови, однако не возражает. Берет пустой кувшин, зачерпывает воду и выливает ее на Эмму, смывая масло с тела. Оно почему-то немного пенится, и Эмма замороженно смотрит на разноцветные пузыри, срывающиеся с ее тела.

- Что это такое? - спрашивает она. Регина молчит и продолжает выполнять свою работу. Эмма глядит на нее сверху вниз и думает, что могла бы сейчас лишиться ее жизни. Вряд ли рабыня окажется сильнее. Вот только что это даст? Эмма не настолько глупа, чтобы верить, что сумеет выбраться из лудуса незамеченной. Кто-то наверняка ждет снаружи. Да и Регина не заслуживает такой участи. Не то чтобы Эмме ее жаль, но отец учил не убивать никого по праву сильного. А Эмма сильнее, в этом нет сомнений.

Пользуясь тем, что лицо Регины очень близко, Эмма принимается изучать его. Замечает тонкий старый шрам, пересекающий верхнюю губу, и задается вопросом, при каких обстоятельствах он получен. Переводит взгляд на скулы, на прядь волос, выбившуюся из аккуратной прически. Регина не римлянка, в ней явственно ощущается южная кровь, но имя у нее римское. Почему так?

Поведение Регины вызывает раздражение. Она явно все еще считает выше своего достоинства обращаться с Эммой как с равной. С чего она так уверена, что может назвать себя королевой посреди нищего отребья?

Ответ на все вопросы вдруг стучает Эмму в темя. Она почти смеется и поспешно прикрывает рот ладонью, чтобы Регина не заметила ее веселья, но та уже сосредоточена на уборке. Пока Регина приносит и протягивает повязки, Эмма успевает справиться с эмоциями и выходит из воды. Вдвоем они смазывают рану остро пахнущей мазью и затягивают ногу чистой тряпичей. А потом Эмма перестает сдерживаться.

Она уже слышала это слово от отца. И знает, что оно значит.

- Какое интересное у тебя имя, - шепчет она, полностью уверенная, что ее не понимают, забывая, что Аурус говорил с Региной на языке севера. - Королева рабов?

Она думает, что это смешно, ровно до того момента, как Регина, вытерев руки от мази, поворачивается и спокойно произносит:

- Следи за своим языком, рабыня. Как бы королеве не вздумалось укоротить его.

Эмма вздрагивает, но тут же берет себя в руки.

Что ж, по крайней мере, она не немая. У нее низкий, вкрадчивый голос. Она играет словами, произнося их лишь с легким намеком на акцент, и в этих словах нет особой угрозы, но Эмма все равно пятится назад, пока не запинается о край кушетки и не садится с размаху.

- Извини, - она трясет головой. - Я думала, что ты...

Интересно, это требование Ауруса - знание северного языка? В конце концов, все, живущие здесь, имеют дело с людьми из разных мест.

Регина немедленно перебивает ее, внушительно повторяя:

- Следи за своим языком, Эмма с северных гор. Кто-нибудь может оказаться к тебе не столь снисходителен, как я.

Она поджигает губы, отворачивается и уходит, отдернув занавесь. Будто королева отчитала подданную. Ничего необычного.

Эмма сидит, сжавшись, и ощущает себя оплеванной. Регина молчала только для того, чтобы поставить ее в неловкое положение? Пусть боги накажут ее за это! Быть жестокой к своим - тягчайшее из преступлений. Зачем она так делает?

За Эммой приходят два незнакомых раба, и она понимает, что сейчас ее отведут туда, где ей придется жить. Может, это и к лучшему: сон - лучшее лекарство, а после горячей воды и ароматных масел спать хочется очень сильно.

Небо над тренировочной площадкой темное, кое-где проглядывают из-за туч звезды. Эмма потеряла счет времени, и теперь усталость снова наваливается на нее удушливой медвежьей шкурой. У себя дома Эмма бы уже спала, плотно поужинав. Тут ее, кажется, никто не собирает кормить. Живот от таких мыслей немедленно издает громкое урчание. Эмма сглатывает слюну: она не прочь перекусить. Или хотя бы выпить глоток воды. Раздражающая Регина наверняка сейчас поглощает ужин и не думает ни о чем. Королева Регина!

Рабы, приглядывающие за ней, негромко переговариваются. Эмма, поначалу занятая сердитыми размышлениями о Регине, с удивлением отмечает, что понимает их. Язык, на котором они общаются, похож на ее. Кое-какие слова она не знает, но того, что понятно, оказывается вполне достаточно.

Они идут по галерее, мимо отдернутых занавесей и готовящихся ко сну гладиаторов, а Эмма слышит:

- В курсе новости?

- Что именно?

- Завоеватель занял Амфиполис.

- Я даже города-то такого не знаю.

- Я тоже, но это не мешает мне надеяться, что кто-то в скором времени надает Цезарю пинков.

- Как же Цезарь, должно быть, ненавидит Завоевателя.

- У них это взаимно.

Рабы хохочут.

Эмма понятия не имеет, кто такой этот Завоеватель, но имя «Цезарь» ей отлично знакомо. И если кто-то собирается отпинать его, Эмма готова помочь. Вот только что она может сделать отсюда? Она вспоминает, какой растерянной, испуганной, не понимающей, что делать, была утром, на корабле, и радуется тому, как ощущает себя сейчас. Может быть, Наута и Робин были правы, говоря, что ей повезло, что она попала к Аурусу: если, конечно, вообще можно назвать везучим ее положение. Здесь дышится не так привольно, как дома, и люди здесь чужие и странные, но ее никто не бьет и не заставляет делать страшные вещи - пока что. Рабство представлялось ей чем-то более плохим. Может быть, дальше будет еще лучше. Эмма заставляет себя надеяться на это. Но это не значит, что она не сбежит при первом удобном случае.

- Кто эта девушка? - слышит Эмма и напрягается, понимая, что речь идет про нее.

- Не знаю. Какая-то варварка. Ничего, ее быстро приведут в порядок.

Эмма не хочет, чтобы ее приводили в порядок, но молчит, не желая выдавать себя. На разговоры время наверняка еще будет. А пока что лучше больше слушать, чем болтать.

Из галереи рабы ведут Эмму куда-то вниз, в подвалы, и заводят в помещение, отгороженное от остальных толстой решеткой. Эмма сразу понимает: это для нее. Она вскидывает подбородок и входит внутрь, ощущая обреченность, столь сильно отличающуюся от недавней радости. Подвал? И решетка? Что дальше - кандалы?

Кандалов нет, но нет и лежака: на полу виднеется охапка сена. Эмма разворачивается к рабам, чтобы спросить, когда за ней снова придут, но натывается взглядом лишь на закрытую решетку. Она осталась одна.

Что ж, сено лучше, чем ничего, Эмма, потирая раненую ногу, осторожно опускается на него. Обводит взглядом маленькое темное помещение, едва освещаемое тускло чадящим факелом, закрепленным сразу за решеткой. На полу в углу стоит ведро, а рядом – кувшин и что-то еще. В надежде на воду, Эмма действительно находит ее в кувшине. А из еды в миске – большой кусок мягкого хлеба и красное яблоко, которое лучше оставить на утро. Один все еще милостив к ней, пусть даже она не молилась ему уже очень давно. Но она это обязательно исправит. Завтра же. Сегодня она очень устала.

Эмма быстро съедает хлеб, запивает его глотком теплой и не очень вкусной воды, а потом ложится на сено и закрывает глаза. Она думает об отце и матери, о снеге, о свежем мясе и добром мече. Об Одине и суровых битвах для прославления имени его. О будущих сражениях. О том, что все еще не боится проиграть. Но перед тем, как уснуть, она вспоминает купальню и сладкий запах масел и трав.

Примечания:

Мария (др. евр.) – набожная, служащая Богу

Регина (лат.) – королева, царица

Амфиполис – древнегреческий город

<http://erolate.com/book/1136/29493>